ГЕРДЕРОВСКИЙ БИБЛЕЙСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

СВЯЩЕННОЕ ПИСАНИЕ.
ПРАКТИЧЕСКОЕ ТОЛКОВАНИЕ

Виллибальд Лаук

Комментарий на Евангелие от Матфея[1]

НАСТАВЛЕНИЯ АПОСТОЛАМ. 9:35–11:1

ДВЕНАДЦАТЬ АПОСТОЛОВ. 9:35–10:4 (Мк. 6:7 и далее; Лк. 9:1 и далее; 6:13–16; Ин. 1:35 и далее; Деян. 1:13)

9:35 И ходил Иисус по всем городам и селениям, уча в синагогах их, проповедуя Евангелие Царствия и исцеляя всякую болезнь и всякую немощь в людях. **36** Видя то́лпы народа, Он сжалился над ними, что они были изнурены и рассеяны, как овцы, не имеющие пастыря. **37** Тогда говорит ученикам Своим: жатвы много, а делателей мало; **38** итак молите Господина жатвы, чтобы выслал делателей на жатву Свою. **10:1** И призвав двенадцать учеников Своих, Он дал им власть над нечистыми духами, чтобы изгонять их и врачевать всякую болезнь и всякую немощь. **2** Двенадцати же Апостолов имена суть сии: первый Си́мон, называемый Петром, и Андрей, брат его, Иаков Зеведе́ев и Иоанн, брат его, **3** Филипп и Варфоломей, Фома и Матфей мытарь, Иаков Алфеев и Левве́й, прозванный Фаддеем, **4** Си́мон Кананит и Иуда Искариот, который и предал Его.

(35) Почти дословное повторение сказанного в 4:23 – «и ходил Иисус по всей Галилее, уча в синагогах их и проповедуя Евангелие Царствия, и исцеляя всякую болезнь и всякую немощь в людях» – указывает на то, что Матфей заканчивает здесь один раздел Евангелия и начинает другой. До сих пор евангелист показывал галилейскую деятельность Спасителя на отдельных примерах, изложив в конце раздела события одного особенно насыщенного дня. Далее (с 11:2) он намеревается перейти к повествованию о том, как настороженно, а затем всё более враждебно стали встречать служение Иисуса во всех кругах иудейского общества. Но прежде чем

[1] Перевод: *игумен Петр (Мещеринов)*. Редакторы: *Елизавета Жудро, Ольга Ануфриева*.

приступить к рассказу об этом, Матфей вставляет раздел о призвании учеников к апостольству и о тех наставлениях, которые им дал Иисус.

Поводом к этим наставлениям и вообще к тому, чтобы отправить учеников на первоначальную, внутриизраильскую проповедь, служит сама напряжённая деятельность Иисуса. **(36)** Чем больше то́лпы теснят Его, тем сильнее Он проникается состраданием к ним. Несчастный народ, оставшийся без руководителей, видится Ему стадом овец без пастыря. Им приходится самим искать себе дорогу и пищу – неудивительно, что бедные овцы, загнанные и обессиленные, в конце концов падают на землю. Греческое слово ἐρριμμένοι означает скорее не «рассеянные», а «поверженные», «простёртые на земле». Так бывает и с человеком, душе которого некому указать верный путь среди суеты и тягот повседневной жизни. И всё же в людях есть стремление к добру – нашёлся бы только кто-нибудь, кто пробудит его и направит в нужную сторону! Господь чувствует Себя словно посреди бескрайнего поля, на котором урожай уже созрел для жатвы. Но сейчас Он один трудится на этом поле, и Ему не выполнить всей работы за то короткое время, какое отмерил Ему Отец. **(37)** Отсюда Его призыв к Своим ученикам молиться о Божиих делателях. Правда, именно их Он и предназначил для этого служения. Но углубление в такую молитву поможет им осознать бедственное положение народа и внутренне приготовит их к апостольству. Вскоре им предстоит первый опыт в деле возвещения Евангелия.

(10:1) «И призвал двенадцать учеников Своих». Здесь речь идёт не об избрании апостолов как таковом. О нём Марк и Лука подробно рассказывают в связи с другим событием (Мк. 3:14–19; Лк. 6:13–16), тогда как Матфей обходит его молчанием или предполагает, что его читателям оно уже известно. Теперь Иисус созывает ранее избранных апостолов – «Двенадцать», как они трижды подряд подчёркнуто именуются в тексте, – чтобы наделить их необходимой властью для предстоящей деятельности среди двенадцати колен Израиля. Согласно греческой конструкции данного стиха исцеление болезней может рассматриваться как непосредственное следствие власти над злыми духами. В таком случае в основе этого будет лежать уже упоминавшееся представление (см. комм. к 8:17), согласно которому все болезни и бедствия в той или иной степени причиняются диаволом. Но поскольку переводчик Матфея писал на не вполне классическом греческом языке, возможен и другой перевод: «Он дал им власть над злыми духами, чтобы изгонять их, а кроме того, власть исцелять всякую болезнь и всякую немощь». Так или иначе, здесь Иисус наделяет апостолов почти той же поразительной чудотворной силой, какой обладает Он Сам.

Этот торжественный момент Матфей использует для того, чтобы включить в повествование перечень имён апостолов. Слово «апостолы», то есть, говоря нашим языком, «чрезвычайные и полномочные послы», употребляется здесь единственный раз во всём Евангелии от Матфея. Этим подчёркивается, что они не просто посланные служители, которым поручено исполнить повеление своего Господина. Нет, они – представители и заместители Иисуса, наделённые теми же правами и полномочиями, что и Он Сам. Они выступают от Его имени, и потому Бог придаёт их служению то же значение, что и служению Самого Иисуса (ср. содержание всей последующей речи).

(2) «Первый – Си́мон, называемый Петром». Это означает не то, что он стоит под первым номером в списке, поскольку далее никакой нумерации нет. Он «первый» по своему положению, как это представлено во всём Евангелии, особенно в 16:18–19. Характерно для евангелиста и то, что Матфей в этом перечне скромно поставлен после Фомы (ср., напротив, Мк. 3:18; Лк. 6:15) и что только здесь он назван мытарём. **(3)** Во втором имени предпоследней пары между Матфеем и Марком обнаруживается расхождение. В рукописях встречаются два варианта: Леввéй и Фаддéй. Это разночтение возникло из-за попыток переписчиков устранить несоответствие. По-видимому, первоначально у Матфея стояло имя «Леввей», а у Марка «Фаддей», в то время как у Луки и в Евангелии, и в Деяниях в обоих перечнях апостолов вместо этих имён мы находим «Иуду Иаковлева», который в первом случае составляет пару с другим Иудой, Искариотом. Таким образом, у этого апостола могло быть три имени – по тем временам в этом не было ничего необычного. Что один из апостолов носил то же имя, что и предатель, видно уже из того, что последний постоянно именуется Искариотом, то есть «человеком из Карио́та» – очевидно, чтобы отличать его от другого Иуды (Кариотом назывались два города, один на юге Иудеи, другой в Моáве). Совершенно ясно это следует и из Ин. 14:22. Отсюда нетрудно объяснить, почему впоследствии верного Иуду уже не хотели называть этим именем, запятнанным предательством, а вместо него употребляли его греческое имя Фаддей (Фéвда), также распространённое среди иудеев, – по обычаю того времени иудеи нередко прибавляли к своему еврейскому имени греческое (ср. Савл – Павел и др.). Другие именовали его «Леввеем» – по свидетельству Иосифа Флавия, так называлась местность к востоку от Мёртвого моря. Возможно, однако, это было и ласковое имя, сохранившееся за ним из детства – «дитя сердца», от еврейского לֵב (leb – сердце). Сам он в своём послании называет себя «братом Иакова» (Иуд. 1), а именно Иакова, сына Алфéя. Так следует понимать и выражение «Иуда Иаковлев» у Луки (ср. комм. к 12:46). Поскольку этот Иаков, согласно Гал. 1:19, был «братом Господним», то и Иуда-Леввей Фаддей

принадлежал к кровным родственникам Иисуса (подробнее о братьях Иисуса см. комм. к 12:46.)

ПЕРВОЕ НАСТАВЛЕНИЕ. 10:5–16 (Мк. 6:7–13; Лк. 9:1–5)

5 Сих двенадцать послал Иисус, и заповедал им, говоря: на путь к язычникам не ходи́те, и в город Самарянский не входи́те; **6** а идите наипаче к погибшим овцам дома Израилева; **7** ходя же, проповедуйте, что приблизилось Царство Небесное; **8** больных исцеляйте, прокажённых очищайте, мёртвых воскрешайте, бесов изгоняйте; даром получили, даром давайте. **9** Не берите с собою ни золота, ни серебра, ни меди в поясы свои, **10** ни сумы на дорогу, ни двух одежд, ни обуви, ни посоха, ибо трудящийся достоин пропитания. **11** В какой бы город или селение ни вошли вы, наведывайтесь, кто в нём достоин, и там оставайтесь, пока не выйдете; **12** а входя в дом, приветствуйте его, говоря: мир дому сему; **13** и если дом будет достоин, то мир ваш придёт на него; если же не будет достоин, то мир ваш к вам возвратится. **14** А если кто не примет вас и не послушает слов ваших, то, выходя из дома или из города того, отрясите прах от ног ваших; **15** истинно говорю вам: отраднее будет земле Содомской и Гоморрской в день суда, нежели городу тому. **16** Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков: итак будьте мудры, как змии, и просты, как голуби.

Звучавшие время от времени слова Иисуса о призвании в Царство Небесное также и язычников (ср. 8:10–12), равно как и добрый опыт общения с язычниками и с самарянами (ср. 8:5 и далее; Ин. 4:3 и далее; Лк. 17:16), могли легко ввести апостолов – которых Сам Господь назвал солью всей земли и светом всего мира – в искушение добиться успеха и славы, проповедуя в эллинистических городах страны или у самарян. Хотя мысль о миссии среди язычников проходит через всё Евангелие (ср. 2:1–12; 3:9; 8:11 и далее; 12:18 и 21; 21:43; 22:7–14; 24:14), а после воскресения она получает уже и прямое выражение в великом поручении сделать все народы Христовыми учениками (28:19), – всё же Иисус во время Своего земного служения прежде всего «послан к погибшим овцам дома Израилева» (15:24). Если Он Сам по доброте Своего сердца иногда и делает исключения, то это всё же не дело Его учеников, поскольку им ещё недостаёт той сдержанности и чувства меры, какие Сам Иисус с такой полнотой проявляет именно при исполнении этого повеления Отца – сосредоточить Своё земное служение на избранном народе. Кроме того, главная цель первой, внутриюдейской проповеди апостолов состоит в том, чтобы проложить Ему,

располагающему столь малым временем, путь ко всем израильтянам, даже живущим в самых отдалённых местах, – к народу, столь жестоковыйному (Исх. 32:9) и всё же столь Им любимому. **(5)** Отсюда строгое указание не входить ни в города язычников, ни в города самарян, которых тогдашние иудеи ставили почти в один ряд с язычниками. Кроме того, Иисус сразу же лишил бы Себя всякой возможности воздействовать на иудеев, если бы Он или Его ученики вступили в более тесное общение с «нечистыми». Таким образом, Спаситель сделал всё, чтобы самым жертвенным и сердечным образом приблизиться к издревле избранному Богом народу, к которому принадлежал и Сам. Как же глубоко должно было ранить Его почти всеобщее отвержение со стороны этого народа, о чём Матфей рассказывает в следующей части Евангелия! Какую боль это причиняло Его любящей душе! Нам приходится догадываться об этом самим, ибо Иисус чрезвычайно редко выражал Свои чувства. И в этом Его пример может стать для многих источником утешения и сил.

(7) Поскольку апостолам надлежит предварять Спасителя, их проповедь должна иметь то же содержание, что и Его поучения народу (ср. 4:17), и сопровождаться такими же делами. **(8)** «Мёртвых воскрешайте». О воскрешении мёртвых учениками в тот первый период их деятельности нам ещё ничего не известно – очевидно, именно поэтому некоторые рукописи опускают это повеление. Однако Матфей уже в этой части наставлений имеет в виду и будущее апостольское служение, раскрывшееся в полноте после Пятидесятницы. Напоминание о том, что они должны даром отдавать то, что даром получили, вовсе не было бесполезным для учеников до сошествия Святого Духа. Впрочем, уже иудейским книжникам было строго запрещено брать плату за обучение Торе. Но апостолам не следует даже заботиться о подготовке к путешествию. Им надлежит отправиться в путь прямо как есть – чтобы научиться в своём служении Иисусу всецело полагаться только на Божий промысл (ср. 6:25–34). Поэтому им не нужно приготовлять ничего из тех вещей, которые обычно считают необходимыми, чтобы отправиться в путь: **(9)** ни денег, обычно хранимых в поясе, служащем кошельком, ни дорожной сумки – им нечего в неё складывать. Не нужно брать с собой даже второго хитона или запасной пары обуви, – именно так следует понимать указание Иисуса, поскольку ходить совсем без обуви, кроме дней поста или в знак траура, считалось признаком позорной бедности. В Талмуде читаем: «Равви́ Иегу́да передавал слова Рава († 247 г.), который говорил: пусть человек лучше продаст балки своего дома и купит обувь для своих ног, – ибо нет ничего позорнее, чем ходить босиком по улице» (ср. также Мк. 6:9). Подобным же образом следует понимать и указание относительно второго хитона. Простой человек носил под верхней одеждой

или плащом (ср. комм. к 6:34) лишь одну нижнюю одежду – шерстяной хитон с рукавами, в то время, по-видимому, довольно длинный, подобранный поясом. Более состоятельные люди носили под ним также льняную рубаху сходного покроя. Бывали, впрочем, и те, кто надевал три, пять и ещё больше рубах из тонкой ткани (особенно женщины-модницы). Обычный же человек поддевал второй хитон разве что для защиты от холода.

Здесь нельзя обойти вниманием расхождение между Матфеем и Марком. У Матфея (10:9–10) ученикам сказано не брать с собой обуви, второго хитона и посоха; у Марка (6:8–9) им говорится идти обутыми в сандалии, не надевать двух хитонов и взять один посох. Но указания относительно одежды и обуви легко согласуются: речь идёт не о том, чтобы отправиться в путь босиком или без необходимой одежды, а о том, чтобы не брать с собой лишних вещей. Греческое μὴ κτήσησθε у Матфея (10:9) значит «не приобретайте», «не запасайтесь». Так разрешается это небольшое противоречие. Впрочем, разногласие относительно посоха остаётся. Но Иисус не был педантом в Своих указаниях: в мелочах Он мог одному сказать одно, а другому – другое. Его намерение состояло не в том, чтобы обязать апостолов во время этого путешествия соблюдать какой-то особенно строгий образ жизни, а в том, чтобы воспитать в них полное доверие Богу.

Ещё им надлежит научиться апостольской рассудительности и такту. Поэтому им не следует останавливаться у первого встречного, возможно, у человека, чья дурная репутация с самого начала бросила бы тень на их доброе имя, **(11)** – но сначала тщательно разузнать, кто из заслуживающих доверия жителей может принять их. Остановившись у такого человека, они должны там и оставаться – перемена места пребывания легко дала бы окружающим повод для мелочной ревности и пересудов; а сами апостолы, вместо того чтобы всецело посвятить себя своему высокому делу, рисковали бы увлечься почестями и угощениями, которые им оказывали бы разные люди, и тем самым уронить достоинство своего служения. **(12)** От имени своего Учителя они приносят хозяину их временного дома прекрасный дар – приветствие мира. **(13)** В греческом стоит повелительное наклонение ἐλθάτω – «пусть мир придёт на дом, который его достоин», – говорит Иисус; стало быть, это непременно произойдёт. Если же апостолы когда-то ошибутся в своём выборе места, им не нужно принимать это слишком близко к сердцу: их благословение возвратится к ним. Они всё равно получат полную награду за своё доброе дело, даже если по вине людей оно останется бесплодным.

При этом им не следует считать себя обязанными во что бы то ни стало добиваться обращения таких невосприимчивых душ. Это бесполезно. К тому же у них нет времени на долгие попытки обращения – сейчас им нужно как можно скорее подготовить Самому Спасителю путь ко всем людям доброй воли. **(14)** Поэтому в подобных случаях апостолам надлежит без долгих раздумий отряхнуть прах со своих ног. Это был не просто условный жест – он имел весьма глубокий смысл. Для иудея пыль из языческой страны была нечистой, поскольку там повсюду могли находиться могилы или другие источники осквернения (ср. комм. к 8:6). Поэтому некоторые книжники, например, считали недопустимым ввоз капусты из другой страны, поскольку к ней могла пристать языческая земля; и даже священническое возношение подлежало сожжению, если на нём обнаруживалась чужеземная пыль. Таким образом, отряхиванием праха апостолы должны показать, что соответствующее место следует приравнять к языческому. **(15)** И действительно, даже Содому и Гоморре на Суде будет легче, чем этому месту.

Уже этим Иисус даёт понять апостолам, радостно готовящимся к своему первому апостольскому путешествию, что они отнюдь не везде будут встречать дружелюбный приём. Дальше Он говорит им об этом прямо. **(16)** «Смотрите (то есть «будьте настороже»), Я посылаю вас, как овец посреди волков». В греческом тексте подчёркнуто ἐγώ – «Я Сам посылаю вас». Если так, то им, конечно, нечего бояться. Но это вовсе не исключает необходимости соблюдать осторожность со своей стороны. Доверие Богу совсем не равно легкомыслию. Поэтому ученикам следует употреблять всю свою рассудительность, подобно змеям, чья мудрость вошла в поговорку, чтобы не подвергать себя ненужным опасностям и находить выход из затруднительных положений.

При этом, конечно, христианская рассудительность не должна превращаться в мирскую хитрость или в змеиное коварство. Всякое лукавство ей чуждо, и она тщательно блюдёт разницу между благоразумием и своекорыстной изворотливостью.